

— Не стоит говорить о государственных делах. Разве брат Си не знает, что это негласное правило Цзянху? — Бай По невозмутимо приподнял крышку чашки и выплеснул чай прямо на карту Великой Чжоу, которую Си Кунчэнь набросал на столе.

Глядя, как чай заливает набросок, Си Кунчэнь лишь усмехнулся. Он оживился.

— Дело давно вышло за рамки обычного противостояния властей и Цзянху, — неторопливо и с достоинством произнёс он. — Кое-кто вознамерился перебросить пламя придворных распрей на просторы поднебесного мира.

— С чего ты это взял? — спросил Ван Шо. Он опасно прищурился и с неподдельным интересом уставился на Си Кунчэня, словно впервые по-настоящему разглядел этого юношу в фиолетовых одеждах.

И хотя Бай По всем своим видом показывал, что разговор его не касается, Ван Шо, вопреки обыкновению, загорелся любопытством.

Заметив, что его слова наконец нашли слушателя, Си Кунчэнь воодушевился:

— Император Великой Чжоу, судя по всему, заигрался в политику сдержек и противовесов. Он упрямо медлит с назначением наследника, из-за чего страна, на первый взгляд мирная, изнутри подтачивается невидимыми течениями. Старший принц далеко не прост. Семья его матери сказочно богата и держит в руках чуть ли не всю казну Поднебесной. И всё же он не находит себе места от тревоги. Почему? Всё дело в Северной столице. Начать с того, что там находится императорский дворец, но главное — армия. Девять десятых всех войск сосредоточены именно на севере. Пусть императрица Чэнь, мать Второго принца, давно покинула этот мир, её род пустил глубокие корни в военных кругах.

Ван Шо понимающе кивнул, сохраняя абсолютное хладнокровие:

— Хочешь сказать, брат Си, что противостояние принцев неизбежно втянет в себя всё боевое сообщество Серединных равнин?

Си Кунчэнь сделал неторопливый глоток чая, кивнул, но тут же покачал головой.

— Помыслы нашего повелителя шиты белыми нитками. В своё время он взял в жёны дочь старого генерала Чэня исключительно ради того, чтобы прибрать к рукам армию. Позже он сочетался браком с дочерью канцлера Ло с той же целью — привлечь на свою сторону знать Южной столицы и с помощью их богатств обуздать своенравных северных военачальников. Однако медлит он с выбором преемника не только ради пресловутого равновесия. И Старший, и Второй принцы — мужи незаурядные, и их бесконечная грызня обескровливает империю. Государь не глупец и прекрасно это понимает. Настоящая причина его нерешительности в другом: он изначально не желал видеть на троне ни того, ни другого. Слишком уж могущественны их кланы, слишком велика угроза для династии. Поэтому в былые годы, пока

силы ещё позволяли, император присматривался к остальным своим сыновьям.

Си Кунчэнь насмешливо улынулся:

— Вот только разве могли соперники не разгадать его замысел? Как итог — Третий принц калека от рождения, Четвёртый пять лет назад насмерть разбился, упав с лошади, а Пятый вырос бесхребетным трусом. Шестой принц, правда, с малых лет славится умом, да только у государя почти не осталось времени. Ему нужно устранить главную угрозу престолу сейчас, пока он ещё держит в руках бразды правления.

Си Кунчэнь пригубил чай и поднял голову. Он посмотрел куда-то вдаль, сквозь стены комнаты, а голос зазвучал тише, обретая отрешённые, почти призрачные нотки:

— Именно поэтому пять лет назад и вспыхнула война. Вспыхнула усобица среди правителей северных земель, а Секта Таинства исподтишка подталкивала тамошних военачальников к походу на Великую Чжоу. Какую роль в этом сыграл сам император Чжоу — бог весть. Но сдаётся мне, он надеялся за чужой счёт избавиться от обоих старших сыновей. Увы, принцы оказались не лыком шиты. В кои-то веки они сговорились и разыграли безупречную партию, лишив царственного отца реальной власти.

Бай По уже не мог скрывать изумления.

— Но как же тогда падение города Цзян пять лет назад? — не выдержал он.

Си Кунчэнь повернулся к нему и снисходительно усмехнулся:

— Будь Великая Чжоу едина, разве пал бы город Цзян? И император, и Старший принц, и Второй — каждый преследовал корыстные цели перед лицом внешней угрозы. Они сознательно допустили вторжение чужаков. Город Цзян стал разменной монетой, жертвенным агнцем. И если та война что-то и решила, так это расстановку сил во дворе, которую мы наблюдаем сегодня.

— Как же так... — потрясённо прошептал Бай По.

В те годы они продвигались вглубь Чжоу без малейшего сопротивления, докатившись почти до самых срединных застав. Он, тогда ещё молодой старейшина, возглавлявший авангард Секты Таинства, горел отвагой и рвался в бой. Однако глава секты раз за разом слал строжайшие приказы: не смей двигаться дальше без его дозволения. Бай По помнил, как исходил тогда злостью, не понимая причин такой нерешительности.

Тогда пришлось подчиниться. Секта Таинства, набив карманы добычей, поспешно отступила. Бай По годами ломал голову над этой загадкой. И лишь теперь, слушая Си Кунчэня, он начал кое-что осознавать.

Вспомнился сокрушительный ответный удар Чжоу: бескрайние полчища воинов, ярость и непреклонная гордость простого люда. Что за народ населял эти земли? Что за безумная империя? Сражаться с ними лицом к лицу было чистым самоубийством. Но как же иронично, что эту грозную силу десятилетиями терзали и грабили мелкие соседние племена, пока правители Чжоу делили власть во дворе.

Си Кунчэнь перестал улыбаться. В его голосе зазвучала горькая досада:

— Пять лет назад северные варвары казались неостановимой лавиной лишь потому, что владыки Чжоу были слишком увлечены дележом пирога. Но стоило им на мгновение объединиться, как на врага обрушился карающий гнев империи. Жаль только, что правители северных династий оказались круглыми дураками — они и впрямь вообразили, будто Великая Чжоу превратилась в беззащитного ягнёнка. Зато Секта Таинства сумела урвать знатный куш. Их верхушка всегда сохраняла холодный рассудок. Они не поддались соблазну лёгкой победы, вовремя разглядев ловушку, и преспокойно собирали сливки, не потеряв ни единого человека. Опасные, расчётливые противники.

Си Кунчэнь принялся неторопливо очищать инжир, бережно доставая сочную мякоть. Его слова разили наповал, но сам он держался на удивление непринуждённо.

Ван Шо помрачнел. Он задумчиво всматривался в лицо Си Кунчэня, и в его взгляде на мгновение промелькнуло нечто столь хищное, что у собеседника по спине пробежал невольный холодок.

Бай По наконец отбросил напускное равнодушие и с явным любопытством спросил:

— И всё же, что значит «перебросить пламя на Цзянху»? К чему ты клонишь?

Си Кунчэнь тонко улыбнулся:

— А то и значит, что кровавую резню в поместье Цзян устроила вовсе не Секта Таинства, а один из принцев. Для Старшего принца карта Лиши — лишь способ приумножить и без того несметные богатства. Но для Второго принца она может стать тем самым рычагом, что позволит перевернуть Поднебесную. Старший принц всесилен при дворе, Второй же, если верить слухам, давно подминает под себя вольные кланы Цзянху. Один владеет золотом империи, другой — её мечами. Пока они ладят, Великая Чжоу стоит незыблемо. Стоит им разойтись — и мир утонет в крови. Беда в том, что раскол уже начался, и остановить его невозможно. Карта Лиши в этой игре — главный козырь.

Ван Шо, не сводивший с Си Кунчэня пристального взгляда с самого начала беседы, негромко усмехнулся:

— Карта Лиши манит не только принцев. Для воинов Цзянху она желанна ничуть не меньше. Кое-кто полагает, будто сильнейшим из кланов всегда должна оставаться правящая династия,

а главным оплотом силы — императорский дворец. Так было во времена Великой Цинь, так было и при прежних владыках, державших вольные союзы в железных рукавицах. Однако тридцать лет назад двор Чжоу упустил бразды правления над миром боевых искусств. Ныне вольные кланы по силе не уступают императорской армии. Долго ли правящий род будет терпеть подобное соседство? Если карта Лиши попадёт в руки мастеров Цзянху, устои Чжоу пошатнутся по-настоящему.

Ван Шо слегка прищурился, и в его глазах промелькнула тень опасного честолюбия.

— Разве князьями и полководцами рождаются? — с улыбкой обронил он.

Эти слова заставили его собеседников замереть. Си Кунчэнь долго, не мигая, всматривался в лицо Ван Шо, пока он медленно понимающе не улыбнулся.

Бай По же застыл как громом поражённый. В памяти мгновенно всплыло предание: когда основатель династии Чжоу только начинал свой мятеж, он бросил клич перед великими воинами тех времён: «Разве князьями и полководцами рождаются?» Та дерзкая фраза подняла на бой тысячи храбрецов, ввергла Поднебесную в хаос и навсегда стёрла с лица земли прежнее царство.

И вот теперь, услышав те же слова от случайного собеседника, Бай По ощутил не столько трепет, сколько глухое раздражение.

— Безумец! — процедил он сквозь зубы.

Резко встав из-за стола, он взмахнул широкими рукавами и, не прощаясь, зашагал прочь.

Ван Шо молча проводил его взглядом. Когда белые одежды Бай По скрылись из виду, он повернулся к Си Кунчэню. Он мгновенно преобразился, и его взгляд стал острым и цепким, словно у изготовившегося к прыжку зверя.

— Брат Си на удивление проницателен, — негромко проговорил Ван Шо. — И всё же тот, кто скользит по самой глади бурного потока, рискует однажды без следа согнуться под ударами бури.

Си Кунчэнь перевёл спокойный, отрешённый взор на суетящуюся внизу улицу, пропустив явное предостережение мимо ушей. На несколько долгих мгновений за столом воцарилась тишина.

— Я и рад бы просто плыть по течению, — наконец прошептал он так тихо, что слова едва можно было разобрать. — Но всякий раз, открывая глаза, я вижу миллионы людей, которых сильные мира сего превратили в безликие пешки на игровой доске. Вижу их мытарства и вечный страх, лишаящий даже краткого мига покоя. Сердце моё не каменное, мне больно на

это смотреть. А потому... я лишь жду, когда поднимется исполинская волна. Я с радостью подтолкну её, чтобы она до основания разрушила этот прогнивший мир. И быть может, когда всё вокруг обратится в прах, в Поднебесной наконец воцарится истинный покой.

<http://bllate.org/book/18409/1866456>